

Валентин Петров

Последствия одного взрыва
часть 1. Феникс

16+

Валентин Петров

**Последствия одного
взрыва. Часть 1. Феникс**

«Автор»

2021

Петров В.

Последствия одного взрыва. Часть 1. Феникс / В. Петров —
«Автор», 2021

О рождении тирана Роман начинается как историческая проза: 1908 год, Сибирь, экспедиция, тайга, любовь. И потому Тунгусский взрыв действует особенно сильно. Но это не роман о катастрофе. Это роман о бессмертии, власти и рождении зла. Владимир Шахов получает невероятные способности. Но куда страшнее изменения его напарника — Александра Полякова. Сломанный человек, выросший в страхе и унижении, получив силу, становится богом, судьёй и палачом. Один из главных мотивов книги: сверхсила лишь усиливает то, что уже есть внутри человека. Автор вплетает будущие трагедии XX века и задаёт страшный вопрос: а если диктатуры рождаются не только из идеологий, но и из случайных даров судьбы? Фантастика здесь звучит как предупреждение.

© Петров В., 2021

© Автор, 2021

Валентин Петров

Последствия одного взрыва. Часть 1. Феникс

Небесное тело, когда-то являвшееся частью первой планеты Вселенной, со скоростью сорок тысяч километров в час несло к Земле. Пробороздив космос за четырнадцать миллиардов лет, метеорит завершал свой долгий путь в плотных слоях атмосферы голубой планеты.

Глава I

Прибыв в середине апреля 1908 года в Томск по приглашению Общества по изучению Сибири, Владимир Владимирович Шахов первым делом встретился с Владимиром Афанасьевичем Обручевым – профессором Томского технологического института. Обществом готовилось грандиозное по своим масштабам мероприятие – составление детального плана Сибири, и Владимир Афанасьевич был одним из его главных организаторов.

Выпускник Санкт-Петербургского горного института Императрицы Екатерины II, Шахов по происхождению был дворянином, а по убеждениям – социал-демократом. Формально не являясь членом партии, он был ярким приверженцем многих её идей. Ещё студентом Владимир принимал активное участие в массовых выступлениях революционных 1905–1907 годов. От отчисления из института, а возможно и от ареста, его спасло лишь вмешательство влиятельных родственников. Однако жандармским отделением Санкт-Петербурга было выдвинуто жёсткое условие: по окончании учёбы навсегда покинуть столицу Российской империи. Поэтому, получив письмо от друга семьи – профессора Обручева, – Владимир Шахов оставил Санкт-Петербург.

По итогам беседы профессором ему было предложено осуществить геологическую съёмку северо-восточной части Красноярских земель.

Через два дня, с купеческим обозом, в сопровождении помощника – студента третьего курса Томского технологического института Александра Полякова – Шахов выехал в Красноярск. Оттуда по Енисею на самоходной барже, а затем гужевым транспортом, они должны были прибыть в посёлок Ванавара – пушную факторию, основанную русскими купцами на территории эвенкийского стойбища.

Путь был неблизкий. Лишь спустя почти два месяца утомительного путешествия, преодолев последнее препятствие – реку Подкаменную Тунгуску, истощенные с головы до ног гнусом, они достигли цели.

Посёлок был небольшой. Расположенный под склоном Лакурской горы, на берегу Подкаменной Тунгуски, он состоял из десятка жилых домов и трёх казённых строений фактории. Все постройки были срублены из тёсаных сосновых брёвен – таких толстых, что их невозможно было обхватить руками.

В этих местах в основном селились старообрядцы, и к строительству они подходили основательно. Бежав от репрессий царского правительства в глухие уголки России, они, живя общинами, не просто выживали, но и богатели год от года.

Владимир вспомнил публикацию в «Губернских ведомостях»: к началу XX века около шестидесяти процентов российского капитала находилось в руках старообрядцев, а из трёхсот самых богатых подданных Российской империи более двухсот принадлежали к этому сословию.

После долгих уговоров, вперемежку с угрозами кары со стороны губернских властей, представитель фактории всё-таки выделил им местного проводника – эвенка. Закупив необхо-

димый провиант, Владимир, Александр и старый эвенк по имени Чека пятнадцатого июня 1908 года направились к руслу реки Кимчу, откуда планировалось начать геологическую съёмку местности.

В качестве средств передвижения были приобретены три лошади: две верховые и одна вьючная. У Чеки был свой ездовой олень, которого он не захотел менять на лошадь.

Первая неприятность произошла, когда они отъехали от Ванавары примерно на пять вёрст. Копыто лошади, на которой ехал студент, провалилось в сусличью нору. Вместо того чтобы остановиться и спешиться, Поляков повёл себя как неопытный наездник – каким он, по сути, и был: хлестнул лошадь плёткой. Кобыла взбрыкнула и, завалившись набок, придавила Александру ногу.

Освобождение заняло время. День был потерян, лошадь тоже. Осмотревший её Чека заявил, что нога сломана и дальше она идти не сможет. Не раздумывая, проводник выстрелил раненой лошади в голову.

Поляков, постанывая, пересел на вьючную лошадь, и они продолжили путь. С трудом добравшись до реки Кимчу, экспедиция остановилась на ночлег.

После ужина, сидя у костра, каждый думал о своём. Владимира беспокоили два обстоятельства: к вечеру у Полякова сильно распухла нога, а кроме того, теперь у них осталось лишь две лошади вместо необходимых трёх. Оленя проводника он в расчёт не брал.

Посоветовавшись, решили, что на следующее утро Чека и Александр вернутся в Ванавару за новой лошастью, а заодно Поляков покажется местному фельдшеру. На всё было отпущено два дня.

Наутро, после поспешного завтрака, Поляков сел на лошадь Владимира и вместе с проводником отправился назад.

Оставшись один, Шахов планировал провести разведку местности, для чего решил подняться на вершину горы, расположенной примерно в трёх вёрстах от лагеря.

Подъём занял около двух часов. По пути ему попался жёлтый лимонит – дальний родственник золота. Местами выступали базальтовые образования, что указывало на вулканическое происхождение возвышенности.

Открывавшийся сверху вид стоил затраченных усилий. Местность была живописной и разнообразной. Со стороны лагеря, насколько хватало взгляда, растительность состояла из кустарников и немногочисленных одиночно стоящих лиственных деревьев. Река Кимчу, вынужденная извиваться из-за холмистого рельефа, причудливо огибала несколько небольших озёр и терялась за горизонтом. С противоположной стороны горы преобладали хвойные породы, и чем дальше от склона, тем гуще становился лес. Ближе к горизонту он сливался в сплошную тайгу. Согласно карте, оттуда начинались необъятные пространства, протянувшиеся с севера на юг на семьсот вёрст.

Сидя на вершине, Шахов делал карандашные наброски местности. В левой руке он держал медальон с гравировкой в виде скрещённых молоточков и имперского двуглавого орла сверху – подарок Анастасии по случаю окончания института. У него давно вошло в привычку тереть медальон в минуты тревоги или размышлений. Сейчас Владимир думал о превратностях судьбы, забросившей его за шесть тысяч вёрст от родного города.

Его огорчало происшествие прошлого дня, отложившее начало геологических работ. Для выполнения намеченного времени оставалось мало: через два месяца начнутся затяжные дожди, и передвижение по этой местности станет крайне затруднительным.

Спустившись с горы, Владимир решил искупаться, а затем приготовить обед. До вечера время пролетело незаметно. Ночное небо было ясным, и Шахов решил заночевать у костра, созерцая тысячи мерцающих звёзд.

Глядя на небосвод, молодой геолог предавался воспоминаниям о жизни в Санкт-Петербурге, об участии в стачках и митингах, но больше всего он думал об Анастасии. Они позна-

комились на Рождество, в январе 1907 года. Владимир в мельчайших деталях запомнил тот вечер.

Это было первое приглашение, направленное студентам Горного института, из Смольного института благородных девиц Санкт-Петербурга. Обычно на праздничные балы приглашались воспитанники Пажеского корпуса, однако в тот год, уличённые в неблагочестивом поведении – однополых связях между интернами, – они были в наказание заменены студентами Горного института.

Мероприятие было назначено на шесть часов вечера. Студенты заранее были предупреждены о правилах, действующих в институте благородных девиц. Им надлежало прибыть к Смольному строго ко времени: опоздавшие на бал не допускались. Под неусыпным контролем двух пожилых воспитателей из Смольного студентов препроводили в большой зал, где вдоль стен уже выстроились девушки-воспитанницы.

Тогда Владимиру показались особенно милыми их наряды: все институтки были одеты в одинаковые серые платья и белые шёлковые передники с множеством складок. На руках – белые лайковые перчатки. Бросалось в глаза полное отсутствие украшений: по правилам Смольного они были запрещены воспитанницам. Причёски также были незатейливы, но это с лихвой компенсировалось выражением глаз девушек. Не избалованные мужским вниманием, они буквально пожирали взглядом прибывших гостей, и это не укрылось от зорких воспитателей.

– *Regarde le sol, mademoiselle*, – тихо, но требовательно произнесла старшая воспитательница, женщина бальзаковского возраста с грациозной осанкой и строгим взглядом, помахивая изящным лорнетом, словно дирижёрской палочкой.

Какое-то мгновение, подчинившись указанию, девушки стояли, потупив взоры, но, видимо, не совладав с собой, постепенно вновь поднимали головы, и любопытное созерцание студентов продолжалось.

Впрочем, приглашённые на бал молодые люди с не меньшим интересом рассматривали стоящих напротив барышень, тем самым ещё больше смущая их. Возникла неловкая пауза. Положение спас оркестр. Грянул вальс «Голубой Дунай» Иоганна Штрауса, и студенты устремились к противоположной стене приглашать девушек на танец.

Владимир пригласил высокую девушку с рыжими вьющимися волосами и яркими зелёными глазами. Он сразу обратил внимание на неё – выразительной внешностью она выделялась среди остальных благородных девиц. И имя у неё было под стать внешности – Анастасия.

Нежно взяв её за левую руку и слегка обняв правой за талию, он начал танец, сначала медленно, затем всё быстрее, в такт музыке. Партнёрша в вальсе двигалась легко и послушно, всецело доверившись ему. От прикосновений к руке и талии рыжеволосой девушки сердце Владимира застучало так быстро и сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Забыв обо всём, он полностью погрузился в атмосферу рождественского бала. Периодически пресекая попытки других кавалеров пригласить Анастасию, он почти безмолвно протанцевал с ней весь вечер.

Заговорили они лишь после окончания танцев, у фуршетного стола, где участников бала угощали яблоками, шоколадом и лимонадом.

О себе Анастасия рассказывала немного, предпочитая больше слушать немногословного Владимира. Дочь генерал-майора Кавалергардского корпуса и предводителя Псковского губернского дворянства, Анастасия Разумовская воспитывалась в Смольном институте благородных девиц Санкт-Петербурга в соответствии с семейными традициями. Её бабушка по материнской линии, окончив Смольный с отличием, в своё время состояла фрейлиной при дворе императрицы Екатерины II, а тётя за особые успехи в учёбе была награждена шифром с вензелем императрицы.

Вечер пролетел быстро. Когда распорядитель бала объявил о его завершении, Владимир с грустью осознал, что нескоро вновь увидит Анастасию. Почувствовав, что влюблён, он не решился объясниться, опасаясь показаться безрассудным. Договорившись вступить в переписку, они расстались. Владимир покинул серое здание Смольного, испытывая одновременно радость от встречи и горечь расставания.

Глава II

Проснувшись, когда небо едва начало розоветь, Владимир поразился внезапно наступившей тишине. Всю ночь, сквозь сон, он слышал нестройную музыку «разношёрстных» природных музыкантов: кваканье лягушек, скрип сверчков, уханье ночных птиц – и многое другое, исходившее от невидимых, неузнанных им творцов. Теперь же, словно по взмаху дирижёрской палочки, всё замерло. Только непослушный лёгкий ветерок тихонько шелестел травой, да робко фыркала выючная лошадь, привязанная к веткам шиповника. Дышать становилось тяжело, будто кто-то накрыл это место громадным прозрачным куполом.

«Что за чертовщина? – подумал Владимир. – Что происходит?..»

Внезапно его внимание привлёк огненный шар, летящий по небу. Через мгновение где-то над тайгой, которую он вчера высматривал с вершины горы, небо озарила ослепительная вспышка, и следом прогремел взрыв. Земля задрожала под ногами, Владимир потерял равновесие и рухнул в траву. Завыли звери, закричали птицы.

Взбесившаяся лошадь, шумно выпуская воздух из ноздрей, рванулась в сторону и, после нескольких попыток оборвав поводья, ускакала прочь – в направлении Ванавары. Стало страшно. Давно не вспоминавший Бога, Шахов лихорадочно перекрестился, бормоча невпопад слова «Отче наш», но молитву оборвал апогей происходящего – в том, что это конец света, Владимир уже не сомневался.

У реки, примерно в трёхстах метрах от него, с жутким воем рухнуло что-то громадное, необъяснимое. Ударная волна оказалась настолько сильной, что Шахова подняло в воздух и отбросило метров на десять – прямо в догорающий костёр. Теряя сознание в момент падения, он уже не видел, как на нём начали тлеть льняные брюки...

Очнувшись, Владимир сперва решил, что всё это – кошмарный сон. Но, осмотревшись, понял: нет. Он лежал на остатках костра. Одежда – серая льняная рубашка и такие же брюки – почти полностью сгорела. Сколько он пролежал без сознания, понять было невозможно.

Постепенно приходя в себя, Владимир попытался определить время суток. С трудом перевернувшись на спину, он посмотрел в небо. Сначала ему показалось, что яркое свечение исходит от солнца, но, протерев слезящиеся от дыма глаза, он увидел явление, необычное для этих мест: полярное сияние. Причём сияние было таким ярким, что глаза сами собой щурились.

«Аномалия... после взрыва, – подумал Владимир. – Что это было? Комета? Метеорит? А что упало рядом с лагерем – осколок?..»

Голова раскалывалась, уши заложило, глаза слезились от дыма, витавшего вокруг. Но больше всего напоминало о себе тело: оно горело и чесалось повсюду. Зуд был такой, что сводил с ума. Кое-как поднявшись, Владимир направился к реке – спасение он видел только в прохладной воде Кимчу.

Погрузившись в реку, он обнаружил странные метаморфозы: кожа с обугленного тела сползала ошмётками, словно со змеи, обнажая под собой абсолютно здоровый светло-розовый покров.

– Что тут произошло? – услышал он взволнованный голос Полякова.

– Вероятно, упал метеорит, – стараясь говорить ровно, ответил Владимир.

– А что с вашим телом?.. – взгляд Полякова метался от Шахова к плавающим в воде обугленным пластикам кожи. – Вы обгорели? Это же невозможно... – студент несколько раз перекрестился.

Позади, в трёх метрах, стоял Чека. Он был напуган ещё сильнее.

Владимир, голый, вышел из воды и подошёл к развороченной палатке. Нашёл баул с вещами, оделся. После долгих поисков, наконец, обнаружили медальон – подарок Анастасии – и карманные часы швейцарской марки «Павел Буре». Взглянув на циферблат, Владимир обомлел: секундная стрелка двигалась в обратную сторону.

Немного успокоившись, Поляков рассказал о событиях последних двух дней.

Вернувшись в посёлок, они прежде всего поехали к местному знахарю, но тот принимал роды у жены торговца пушниной и не сразу осмотрел ногу студента. Дождавшись приёма и получив от лекаря какую-то ужасно вонючую мазь (по мнению знахаря, это был всего лишь ушиб), они отправились искать лошадь. Закончили дела только к вечеру, поэтому решили заночевать в Ванаваре, а на рассвете выехать к стоянке.

Утром, уже собравшись в дорогу, они, как и все жители посёлка, стали свидетелями страшного явления. Взрыв в небе был настолько силен, что в домах выбило стёкла и повалило несколько деревьев. Чека так перепугался, что только к вечеру согласился возвращаться к лагерю. По пути им открылась жуткая картина: кругом лежали поваленные деревья, а небо, даже после захода солнца, продолжало светиться, как днём.

Шахов рассказал им свою версию, опуская подробности об ожогах и загадочном исцелении. Он ещё толком не успел об этом подумать, но по мере того, как страх отступал, мысли о собственном выздоровлении возвращались всё чаще.

Оценив последствия утреннего события, Владимир пришёл к неутешительному выводу: снаряжение пришло в негодность, продовольствие испортилось. Не было ясно и то, насколько быстро поправится Поляков. Без помощника, обладающего хотя бы начальными знаниями в картографии и геологии, выполнить поручение было бы практически невозможно.

Оставалось одно: прекратить так и не начавшуюся экспедицию и возвращаться в Красноярск.

По Чеке было видно: он рад услышать о возвращении в посёлок. Если раньше он был немногословен, то теперь почти совсем замкнулся – молча курил трубку и лишь качал головой.

Полякова решение Шахова, напротив, расстроило. Возвращаться в Томск он не хотел: оттуда он бежал, прикрывшись благовидным предложением летней практики.

Разобравшись с неотложными делами, Владимир вспомнил об осколке небесного тела, упавшем недалеко от лагеря, и решил осмотреть место падения. Странное сияние по-прежнему освещало землю так, будто стоял день.

В целях безопасности Шахов хотел идти один, но Поляков увязался за ним, канюча, что пропустил «самое интересное».

Место падения они нашли сразу: трудно было не заметить каньон, диаметром в четверть версты.

Подойдя к краю, они были поражены глубиной. Кратер, образовавшийся при падении неизвестного тела, уходил вниз не менее чем на пятьдесят метров и имел коническую форму. На самом дне из земли выступал округлый чёрный камень. От него исходило радужное, странное свечение. Шахов почувствовал головокружение и отпрянул от края.

И только теперь заметил ещё более невероятное: к кратеру, нарушая все привычные законы, будто притягиваемая магнитом, подбиралась вода реки Кимчу. Она размывала края, и оставаться здесь становилось опасно.

Поляков не реагировал на предостережения. Не отрывая взгляда, он заворожённо смотрел вниз. Обеспокоенный, Владимир схватил студента за рукав и силой оттащил от края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.